

Начнём с того, что недуг госпожи Ли из старшей ветви рода Цзя день от дня становился всё тяжелее, пока наконец не превратился в затяжную, изнурительную болезнь. Для самого Цзя Шэ это обернулось нежданной свободой: в его покоях больше некому было его сдерживать. К тому же из-за того, что Цзя Чжу не мог жениться матушка Цзя то и дело наседала на обоих сыновей, и он, пользуясь случаем, поспешил взять себе ещё несколько наложниц. Целыми днями он пропадал на женской половине, предаваясь праздным забавам с новыми фаворитками, и совершенно забросил дела поместья. Больной госпоже Ли приходилось из последних сил тянуть всё хозяйство, но заботы валили её с ног, и она уже не могла уследить за всем. Как раз в ту пору одна из наложниц Цзя Шэ понесла и в положенный срок родила девочку. Малышка оказалась второй дочерью в роду Цзя, и нарекли её Инчунь. Цзя Шэ и госпожа Ли отнеслись к новорождённой довольно равнодушно, лишь втайне пожалев, что родился не мальчик — сын порадовал бы их куда больше. Ведь Госпожа Ван из второй ветви уже носила под сердцем дитя, и если бы она снова родила мальчика, это укрепило бы её положение небывалым образом, оставив старших далеко позади. Лишь матушка Цзя, исстари питавшая слабость к внукам, сразу забрала маленькую Инчунь к себе на воспитание.

Вскоре после рождения Инчунь подошёл срок и у госпожи Ван. Благополучно проносив дитя положенные десять месяцев, она родила здорового мальчика. Матушка Цзя, Цзя Чжэн и его супруга буквально сияли от счастья. Лишь обитатели старших покоев ходили мрачнее тучи, натягивая фальшивые улыбки, когда приходилось поздравлять родильницу и помогать с праздничными хлопотами.

Дитя явилось на свет необычайным: во рту младенец держал разноцветный, чистый как слеза нефрит. Домочадцы застыли в изумлении, сочтя это небесным знамением. Цзя Чжэн сразу вспомнил пророческие стихи, которые когда-то нагадал при гадании на песке Цзя Чжу: «В чертогах Цзя за яшмой следом явится нефрит». Сомнений не оставалось — этот ребёнок и был тем самым предречённым «нефритом». Поражённый столь явным чудом, отец нарёк новорождённого Баоюем — Драгоценным Нефритом. Втайне он надеялся, что его младший сын вырастет таким же прилежным, как старший, Цзя Чжу. Если бы оба брата рука об руку преуспели на поприще наук и сделали блестящую карьеру, его отцовское сердце не знало бы больше забот.

Для госпожи Ван рождение Баоюя стало залогом незыблемого почёта — ведь мать возвышается благодаря сыновьям. Теперь, когда у неё было двое сыновей и дочь, её положение в доме нельзя было даже сравнивать со старшей ветвью, где имелся лишь один законный сын да незаконнорождённая дочь Инчунь. К тому же здоровье госпожи Ли угасало с каждым днём, и старая госпожа всё чаще поручала вести дела госпоже Ван. «Сами небеса благоволят мне», — думала та. Стоит госпоже Ли отойти в мир иной, и даже если Цзя Шэ возьмёт новую жену, той никогда не сравниться в благородстве с ней, законной супругой второго брата. А когда её первенец Чжу-эр сдаст экзамены и получит чин, ей больше ни в чём не придётся уступать старшим родственникам.

Что же до матушки Цзя, то глава дома превыше всего ценила семейное изобилие и шумные сборища внуков. Появление маленького Баоюя скрасило её одиночество — ведь старший, Цзя Чжу, слишком рано ушёл с головой в учение, обделив бабушку своим обществом. С первых дней жизни младенца окружили такой заботой и баловством, словно он был редчайшим

фениксом. Всеобщая любовь к нему превзошла даже ту радость, с какой в своё время встречали рождение Цзя Чжу. Он сам лишь посмеивался над этим шумом.

"Так даже лучше, — рассуждал он про себя. — Разве простым смертным тягаться с заезжими небожителями? Пусть теперь все нянчатся с Баоюем. Глядишь, и великое бремя женитьбы да продолжения рода переложат на его плечи, а меня наконец оставят в покое".

Тем временем Линь Сюй, прослышав о рождении второго молодого господина в Жунфу, не на шутку позавидовал Цзя Чжу. Его собственные родители уже много лет не имели других детей, и он оставался единственным наследником. У Цзя Чжу же теперь были и брат, и сёстры — шумная, дружная семья. Мечты о братском согласии и тёплой заботе Сюй мог разделить разве что с ним. Услышав это, Цзя Чжу с улыбкой успокоил его:

— Не тревожься, брат Юй. Неужто дядя и тётушка не мечтают о детях? Они ещё полны сил, так что со временем непременно подарят тебе и брата, и сестру. Ещё устанешь от забот о них!

Произнося эти слова, он тихонько посмеивался про себя.

"Уж кому-кому, а тебе жаловаться грех. Если мои подсчёты верны, рождение сестрицы Дайюй уже не за горами. А если хорошенько позаботиться о здоровье тётушки, то, глядишь, и младший её сынишка выживет, избежав безвременной кончины".

Время пролетело незаметно, и Баоюю исполнился год. Памятуя о том, как блестяще прошёл этот обряд у Цзя Чжу, когда все гости наперебой хвалили благородные устремления мальчика, а затем и у Юаньчунь, выбравшей музыкальный инструмент Хунъя и треножник И Иня, родственники ждали нового чуда. По случаю первого дня рождения младшего сына Цзя Чжэн устроил в поместье пышный пир, созвав множество гостей на торжественное испытание судьбы. Втайне он рассчитывал, что Баоюй, плоть от плоти своего талантливого брата, унаследует его выдающиеся способности. К тому же чудесный нефрит во рту младенца сулил блестящее будущее, а значит, и выбор его должен был поразить всех величием. Наблюдая за сияющим от гордости отцом, Цзя Чжу лишь мысленно вздыхал.

"Чем сильнее надежда, тем большее разочарование, — думал он. — Знай отец наперёд, чем закончится эта затея, стал ли бы он созывать гостей со всей столицы?"

Цзя Чжу искренне желал уберечь семью от позора — ведь если Баоюй выставит себя на посмеище, тень падёт на весь дом. Когда кормилица поднесла годовалого младенца, он бережно принял его на руки и сам усадил на расстеленный ковёр среди разложенных диковин. В то же мгновение он неуловимым движением смахнул со стола баночку с румянами и спрятал её в широкий рукав. Быстро оглядевшись по сторонам, он с облегчением убедился, что никто из гостей ничего не заметил. Лишь Сюй, стоявший совсем близко, негромко спросил:

— Что это ты сейчас спрятал в рукав?

— Да так, безделицу, — отмахнулся Цзя Чжу, не желая вдаваться в объяснения.

Обряд начался. Лишившись румян — вещицы, которая, казалось, манила его неведомой силой, — Баоюй в нерешительности застыл перед разложенным добром. Но человек предполагает, а небо располагает. Будущему Владыке Алых Пещер от рождения была предписана страсть ко всему красному и изящному. Даже без румян он безошибочно отыскал другое яркое сокровище. Гости затаили дыхание, гадая, на что падёт выбор молодого господина. Баоюй же, протянув пухлую ручку, ухватился за усыпанную алыми и золотыми камнями шпильку для женской причёски. Он принялся увлечённо вертеть её в ладонях, совершенно не замечая разложенных перед ним книг мудрецов, судейских кистей и старинных ценностей, которые с такой надеждой подготовил для него Цзя Чжэн.

Собравшиеся предвкушали выдающийся поступок от необыкновенного младенца, рождённого с нефритом во рту. Гости уже приготовили велеречивые славословия, но когда мальчик на глазах у всех выбрал женское украшение, слова застряли у них в горле. Как прикажете хвалить подобное? Наступило неловкое молчание. Лишь кое-кто принуждённо усмехнулся:

— Дитя ещё совсем мало, понятное дело — тянется ко всему блестящему да расписному.

Цзя Чжэн же стоял бледный как полотно.

"Схватил женскую безделушку! — бушевал он про себя. — Помяните моё слово, вырастет никчёмным повесой, проводящим дни среди пустых забав и бабьих тряпок".

Цзя Чжу лишь горько вздохнул.

"Я сделал всё, что мог, — сокрушался он про себя. — Утащил румяна, так ты всё равно выудил шпильку. Пропротив судьбы не попрёшь".

Он мельком взглянул на приглашённых Линь Хая и Сююя. Отец и сын одновременно нахмурились — они выражали совершенно одинаковое недоумение. Цзя Чжу понял: дело плохо. За годы знакомства он успел изучить их нрав — благородные книжники, они отличались безупречной чистотой помыслов и не терпели никакой пошлости. Нелепая выходка Баоюя, разыгравшаяся у них на глазах, наверняка оставила неприятный осадок. Пусть из вежливости они промолчали, но выводы сделали.

"Эх, Баоюй, — подумал Цзя Чжу, глядя на младенца со шпилькой в руках. — Если из-за этого твоего чудачества дядя Линь и брат Сююй откажутся отдавать за тебя сестрицу Дайюй, не вини меня. Я пытался помочь".